
Е.А. Нарочницкая

**Понимание сепаратизма:
Об амбивалентных соотношениях
сецессионизма, автономизма,
регионализма**

Аннотация. В статье анализируются спорные вопросы содержания и интерпретации сепаратизма, его соотношение с сецессионизмом, автономизмом и европейским регионализмом. Рассматриваются различия между автономизмом и сепаратизмом (сецессионизмом) как двумя альтернативными стратегиями решения сходных конфликтов. Рассматривается феномен нового регионалистского постмодернистского квазисепаратизма.

Abstract. The article adresses the concept of separatism and its meanings, focusing on the relationship between separatism, secessionism, autonomism and euro-regionalism. Contrasts between autonomism and separatism (secessionism) are particularly emphasized as well as similarities and differences between separatism and a new postmodern regionalism.

Ключевые слова: сепаратизм, сецессионизм, автономизм, регионализм, еврорегионализм, сецессия, автономия, этнический конфликт, изменение границ, правовой статус сепаратизма, легальный сепаратизм, антиконституционность сецессии, квазисепаратизм, постмодернистский сепаратизм.

Keywords: separatism, secessionism, autonomism, regionalism, euro-regionalism, secession, autonomy, ethnic conflict, border change, legality of separatism, legal separatism, unconstitutionality of secession, quasi-separatism, postmodern separatism.

Тема сепаратизма сегодня остра, дискуссионна и поляризована, как никогда прежде. Во всяком случае, никогда еще на теоретическом уровне не велось столько споров о правомочности, опасности и перспективах сецессий. И никогда еще сторонники сепаратистского тренда не видели в нем «главный сюжет» века, обещающий не столько изменить очертания границ, сколько вывести на «новую ступень прогресса» принципы мироустройства (см.: 3).

Обращаясь к этой проблематике, имеет смысл начать с вопроса о содержании сепаратизма и различиях в употреблении самого термина. Во многих современных словарях «сепаратизм» трактуют в самом широком смысле – как взгляды или действия, направленные на «обособление» от целого его части. Некоторые основания к тому дает не только этимология слова – от латинского *separare* (отделять/ся), – но и отчасти его история.

В Англии XVI–XVII вв. «сепаратистами» называли пуританские общины, отколовшиеся от Англиканской церкви. Именно такими сепаратистами были отцы-пилигримы, основавшие Плимутскую колонию Новой Англии – ту самую, которая стала колыбелью США и смыслообразующим символом американской идентичности. Историческое наименование «сепаратисты» в данном частном значении (а также применительно к разным ответвлениям протестантизма) остается широкоупотребимым в англо-американской литературе. В других языках и даже научных историографиях, за исключением, пожалуй, религиоведения, оно встречается крайне редко.

Тем не менее ассоциация общего понятия «сепаратизм» с религиозной сферой – и, в первую очередь, именно с ней – давняя традиция всей европейской культуры. К примеру, в русских дореволюционных словарях сепаратизм определялся как «желание отпасть от церкви или от государства для образования отдельного общества, религиозного или политического» (энциклопедический словарь Ф.Ф. Павленкова); «дух отщепенства в религиозных или политических делах» (словарь иностранных слов А.Н. Чудинова).

С наступлением эпохи секуляризма «политические дела» все больше оттесняли религиозные на задний план. В свою очередь, среди разных политических процессов обособления-отделения на центральное место выдвинулось измерение, связанное с государст-

венностью и политическим контролем территориального пространства. Произошло это под влиянием ряда планетарных явлений XX столетия. Среди них – взлет национальной идеи и достигшее апогея укрепление института государства; беспрецедентная конкуренция амбициозных национальных, геополитических и идеологических проектов; масштабные переделки политической карты в результате двух мировых войн и деколонизации; интенсивное развитие международного права, причем как права преимущественно межгосударственного. В итоге актуализировалось и кристаллизовалось четкое и привычное нам главное значение сепаратизма: движение за отделение от государства его части.

В международном праве нет ни универсально принятой дефиниции сепаратизма, ни корпуса положений, прямо относящихся к этому явлению¹. В качестве же одной из вариаций научного определения можно привести формулировку авторитетного американского этноконфликтолога Д. Горовица: обособление группы «населения, главным образом, на этнической и религиозной основе, выход этой группы и ее территории из-под юрисдикции более крупного государства, частью которого она является, с последующим образованием нового государства» (1, с. 145). Вариант академика В. Тишкова звучит так: «Сепаратизм – это требование суверенитета и независимости для этнически обозначенной территории, и это требование направлено против государственной власти страны проживания» (7). (Отметим, что этнический либо этноконфессиональный элемент не являются обязательным атрибутом сепаратизма, но наиболее типичен для сепаратистских движений XX столетия.) Ряд исследователей считают необходимым добавить важный уточняющий нюанс, который обычно подразумевается, но выпадает из определений: к сепаратизму относятся только те случаи, когда

¹ В одном из первых международных документов, где используется это понятие, – Шанхайской конвенции 2001 г., дается лишь подчеркнуто рабочее определение сепаратизма – «для целей данной конвенции»: «Деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства», причем «совершаемое насильственным путем». То есть речь идет лишь о вооруженной разновидности сепаратизма.

импульс к отделению исходит не извне государства, а изнутри (см., напр.: 6).

Между тем в последние два-три десятилетия содержание, вкладываемое в понятие «сепаратизм», вновь становится все более множественным и размытым. Слово вошло в моду (отражая дух постмодерна) и употребляется в не свойственных ему прежде контекстах. Возникли многочисленные новые «сепаратизмы с прилагательными», относящиеся к всевозможным сферам. Появились сочетания «феминистический сепаратизм», «социальный сепаратизм», «правовой сепаратизм», «административный сепаратизм», «электоральный сепаратизм», «парламентский (и даже «межпарламентский») сепаратизм, «системный сепаратизм», «внутренний сепаратизм», а также земельный, финансовый, бюджетный, торгово-продовольственный, лесной, рыбный и проч.

Весь этот растущий конгломерат неологизмов требует прежде всего дифференциации и соотнесения их смысла. Некоторые из них явно не содержат внятных критериев применения, оставаясь не более чем метафорами. И хотя метафоры в социально-гуманитарном дискурсе способны выполнять ценную аналитическую функцию, не всегда это обстоит так. По крайней мере часть «сепаратизмов с прилагательными» сводятся к публицистическим преувеличениям, лишь смазывающим реальную природу описываемых явлений. Другие – например, «этнический сепаратизм» в непривычном смысле (в значении отдельного этнического самоопределения), «феминистический» или «социальный» сепаратизм – могут быть логически вполне корректны. Но важно понимать, что если они относятся к разным аспектам социальной действительности, то и рассматривать их надо по отдельности (например, не приравнивая «сепаратное» этническое самоопределение к политическому сепаратизму на этнической почве). Лишь часть сочетаний со словом «сепаратизм» образует системы взаимосвязанных, соподчиненных понятий, которые характеризуют типы, виды и подвиды одного и того же феномена или отдельные черты его конкретных воплощений.

В данной и следующей статье¹ мы оперируем лишь взаимосвязанными понятиями и смыслами, а именно теми, которые относятся к анализируемому нами объекту – сепаратизму в утвердившемся узком значении, т.е. сепаратизму государственному, или территориально-политическому.

Но даже в этих рамках сразу встает вопрос: что именно считать сепаратизмом? Во многих современных словарях и работах с этим понятием ассоциируют движения как за отделение от государства, так и «за предоставление части страны автономии». Именно ссылаясь на эту тенденцию, Ф. Попов, автор примечательной монографии «География сецессионизма в современном мире», называет сепаратизмом любое «стремление к обособлению части территории государства». Тем не менее сам он четко разделяет «стремление к обособлению» на две главные разновидности – автономизм и сецессионизм, который, как известно, в свою очередь, распадается на индепендизм, подразумевающий образование отдельного государства, и ирредентизм, присоединение к другому государству (6, с. 23).

Правда, совсем не очевидно, что «сецессионизм» – давний, но менее распространенный синоним «сепаратизма» – предпочтительнее последнего в его привычном узком смысле. Аналогично «сепаратизму» «сецессионизм» и «сецессия» имеют иные значения, производные от этимологического корня *secedo* («ухожу»). Точно так же они применяются к религиозным схизмам, прежде всего к размежеванию течений внутри протестантизма².

Современный бум образного словотворчества в общественных науках уже создал, как и в случае с «сепаратизмом», длинный ряд метафорических, концептуально не разработанных «сецессий с прилагательными», среди которых социальная, экономическая, административная, электоральная и прочие «сецессии». Ко всему прочему, нет недостатка в примерах, когда и сецессию также ассо-

¹ См. статью «Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности» в настоящем издании.

² Кроме того, «сецессии» – принятое в историографии античности наименование массовых уходов плебса из Рима, а также термин, закрепившийся в Германии и Австрии за некоторыми течениями в искусстве рубежа XX в., прежде всего венской школой «ар্তুво».

цируют не только с отделением от государства, но и с получением автономного статуса (см., напр.: 2). Таким образом, проблему четкости и однозначности термин «сецессионизм» не решает нисколько. «Сепаратизм» же как таковой, без уточняющих слов, понимается (отнюдь не только в России) – и в общественном сознании, и в политическом языке, что нельзя игнорировать, – именно в значении выхода из состава государства и не иначе.

Но, по существу, проблема в данном случае заключается не в выборе «лучшего» из двух синонимов (сецессионизм и сепаратизм). Суть в другом: насколько правомерно объединять автономистские¹ (регионалистские) проекты и движения за отделение от государства в одно явление? Вопрос этот гораздо важнее чисто терминологических предпочтений. Ответ на него тесно связан с политической, моральной, юридической оценкой сепаратизма, с пониманием его политико-философского подтекста, и он не так прост, как может показаться.

Сепаратизм – автономизм

Расширительное толкование сепаратизма и его частичное отождествление с автономизмом вполне объяснимы. Сепаратистские и автономистские движения в современном мире обычно оперируют близкими идеями этнонационализма или этнорегионализма. Конечно, причины и мотивы этих движений многообразны и в каждом конкретном случае образуют уникальную комбинацию. Это – отдельная обширная тема, которую мы здесь не рассматриваем. Но каковы бы ни были «драйверы», сепаратизм и автономизм выступают двумя альтернативными стратегиями в решении одних и тех же или однотипных конфликтов. В этом смысле они имеют единую почву и единый контекст.

Бесомым основанием для девальвации грани между автономизмом и собственно сепаратизмом выглядит то, что в реальной общественной практике эта грань подвижна и размыта. Точнее, подвижными, размытыми, ситуативными являются позиции кон-

¹ Здесь и далее под «автономизмом» условно понимается весь спектр возможных (формальных и фактических) автономных статусов в рамках единого государства, как унитарного, так и федеративного.

кретных носителей таких идей. Автономистские устремления перерастают в проекты отделения и наоборот. Кроме того, большинство движений, кроме самых мелких и радикальных, отнюдь не монолитны, а состоят из фракций разной ориентации, влияние которых меняется, как меняются и их собственные взгляды.

Партия Уэльса в момент создания в 1920-х годах открыто не претендовала даже на самоуправление, ограничиваясь задачей уберечь от исчезновения валлийский язык. В последние десять лет ее целями называются «превращение со временем в независимую страну», «независимый Уэльс как полноправный член Европейского союза» и т.п. (см.: 11). (Правда, с главной страницы партийного сайта лозунг «независимость Уэльса в составе Европы, с получением членства в ООН» исчез сразу после неудачи шотландского референдума об отделении.)

Баскская националистическая партия, напротив, была образована в конце XIX столетия для борьбы за независимость и воссоединение всех населенных басками земель, но затем предпочла, при всех внутренних дискуссиях, курс на автономию. Став уже в послефранкистской Испании ведущей силой автономной Страны Басков, БНП в течение десятилетий держалась умеренной линии, не выходя за рамки испанской Конституции. Но в 1998 г. в ее стратегии произошел новый поворот: она подписала пакт с радикальными баскскими организациями, в котором солидаризировалась с целью «достижения суверенитета».

Лига Севера, созданная как автономистская партия, вскоре инициировала дискуссию о преобразовании Италии в федерацию либо даже конфедерацию. Из уст отдельных ее лидеров раздавались призывы к отделению северных регионов, а в 1996 г. состоялось провозглашение «независимой Падании», получившей свой флаг, гимн, «правительство» и проч. Все это не помешало лидеру Лиги Севера У. Босси занять в 2001 г. в правительстве С. Берлускони пост министра по вопросам децентрализации (деволюции), а отдельным фракциям и региональным подразделениям партии придерживаться скорее автономистских либо федералистских концепций. Входящая же в Лигу Севера Лига Венето стала одним из инициаторов проведения в марте 2014 г. электронного референдума о независимости этого региона.

Еще один фактор связан с тем, что сами сторонники отделения отвергают отрицательно нагруженный термин «сепаратисты», предпочитая положительно окрашенные понятия «индепендисты», «суверенисты» и т.п. Самоназвание «суверенисты» («суверенистское движение») амбивалентно по сути, поскольку апелляция к концепту суверенитета, дискуссионному и меняющемуся, оставляет открытым вопрос о форматах его реализации, делегирования и деления. Такая самоидентификация притупляет остроту конфликта с центральным правительством, расширяет поле для маневра, облегчая ситуационные колебания между автономизмом и сепаратизмом. Но она также позволяет идеологам этнорегиональных проектов на самом деле уходить от выбора по капитальному вопросу о государственном отделении. Часто предлагается промежуточный вариант «конфедерации» либо изобретаются новые неопробованные статусы. Например, квебекцы, дважды (в 1980 и 1995 гг.) проводившие референдумы на эту тему, ставили на голосование не «отделение» и не «независимость», а «суверенитет-ассоциацию» и «суверенитет-партнерство». Балтийская республиканская партия предлагала сделать Калининградскую область «ассоциированным» субъектом РФ. В проектах Лиги Севера фигурировала среди прочего «свободная ассоциация Севера, Центра и Юга». Насколько это лишь эвфемизмы, точно сказать трудно. Однако тот факт, что одни и те же акторы в зависимости от обстоятельств меняют курс, переходя от автономизма к сепаратизму и обратно либо воздерживаясь от однозначного выбора, вовсе не доказывает, что нет принципиального различия между самими этими типами проектов.

Наконец, имеется старая, идущая из XIX в. словарная традиция ассоциировать сепаратизм с автономией. Но она явно относится к философской категории «автономия», смысл которой – независимость, самостоятельность, – и к сепаратизму в широком значении «обособления вообще». (В философии и сегодня разрабатываются темы сецессии и автономии.) И вряд ли обосновано механически переносить эту традицию на сепаратизм в узком смысле (отделение от государства) и на автономию как субгосударственный статус, кардинально отличный от государственного, международно-субъектного. Это не что иное, как смешение совер-

шенно разнородных смыслов понятия, о неправильности которого говорилось вначале.

Что касается смыслового и терминологического объединения сепаратизма с автономизмом, то аргументов против него гораздо больше, нежели за него. Собственно, речь идет о том, насколько фундаментальна грань между сецессией и автономией.

Первое. В отличие от автономии, претензии на выход из состава государства бросают капитальный вызов этому государственному образованию. Как подчеркнул директор Института этнологии РАН В. Тишков, «сецессия (раздел) – всегда серьезное перераспределение ресурсов и власти» (7). Добавим, что такое перераспределение затрагивает не только государственные институты и элитные группы, но и все общество. Оно охватывает самые разные сферы: экономику, внутреннюю и внешнюю политику, безопасность, культуру, причем учитывать надо и краткосрочные, и долгосрочные эффекты. Отделение территории с ее населением, рынком, природными богатствами, инфраструктурой и т.д. способно очень сильно изменить конкурентные позиции разного рода общественных субъектов – от политических и бизнес-элит до этнокультурных групп.

Второе. В плане *межэтнических/межнациональных отношений*, с которыми тесно связан феномен сепаратизма, типичным последствием сецессии является еще большая актуализация всей этой сферы и обострение межэтнических трений. Это касается и нового государства, где часто возникает проблема вторичной сецессии собственных меньшинств, и «материнского», где из-за отпадения одной группы может нарушаться прежде стабильный и гармоничный баланс между другими группами.

Сходные негативные эффекты потенциально содержит и автономия как модель решения этнических конфликтов – о ее плюсах и минусах специалисты давно спорят. Однако выраженность таких эффектов в случае отделения намного больше. Кроме того, именно в этой ситуации дестабилизация межэтнического и межконфессионального баланса легко приобретает международное измерение, вызывая цепную реакцию в сопредельных странах. На все это неоднократно обращали внимание многие этноконфликтологи и специалисты по афро-азиатским странам, где особенно сильно выражены этнокультурные и конфессиональные

разломы (см., напр.: 2; 12). Яркой иллюстрацией тут служит динамика нарастающей дестабилизации Ближнего и Среднего Востока.

Третье. Даже безотносительно к этноконфессиональному срезу, изменение межгосударственных границ всегда меняет, иногда принципиально, баланс сил и геополитический расклад в окружающем регионе. В предельном случае реализация сепаратистского проекта может иметь и последствия планетарного значения, как это было с роспуском СССР.

Четвертое. Перспектива сужения внешних границ с большой вероятностью воспринимается государством и остальной частью населения как неприемлемая, порождая острый антагонистический конфликт «с нулевой суммой». В истории известны лишь единичные эпизоды, когда государства добровольно соглашались на утрату части своей территории вне экстраординарного контекста. В основном же согласие было связано либо с военным поражением, либо с крупной гео- и социополитической реконфигурацией, такой как деколонизация, перекройка карты на исходе двух мировых войн или самоликвидация коммунизма.

Подавляющее большинство попыток сецессии встречало жесткое противодействие. Решение 11 южных штатов выйти из состава США вылилось в Гражданскую войну 1861–1865 гг., в которой погибли сотни тысяч человек. Вскоре Верховный суд вынес постановление о нерушимости союза США¹, на основании которого была позже пресечена попытка Техаса присоединиться к Мексике. На том же основании уже в 2012 г. власти США официально отклонили сотни петиций об отделении, которые теперь формально может подать (либо подписать) на сайте Белого дома любой американец.

До сих пор относительно примирительное отношение к реальной перспективе сецессии части территории продемонстрировали лишь британские власти в случае с Шотландией и в меньшей степени Канада применительно к Квебеку. Но эта позиция является исключением. Политический класс Валлонии остается непреклонным противником отделения Фландрии. Резко отрицательной оказалась реакция Дании на активизацию в начале XXI в. фарер-

¹ В американской политико-правовой и исторической литературе до сих пор периодически отстаивается тезис о легальности сецессии Юга.

ского сепаратизма. Жесткую позицию в отношении каталонского движения занимает Мадрид.

Пятое. Именно вопрос сецессии с его высокой ценой имеет максимальный мобилизующий потенциал и легче мотивирует обе стороны конфликта (а иногда и внешние силы) на применение любых средств вплоть до *вооруженного насилия*. Пример борьбы с оружием в руках под лозунгами автономии в современном мире нам найти не удалось. Напротив, сепаратизм стал во второй половине XX в. главным источником вооруженного противоборства: почти 70% из более чем 20 млн жертв войн и восстаний после 1945 г. погибли в конфликтах на этой почве. Неоднократно борьба с вооруженными сепаратистами сопровождалась гибелью сотен тысяч человек, а пакистанская армия в 1971 г. уничтожила не менее 1 млн гражданских лиц, стараясь предотвратить отделение Восточной Бенгалии (Бангладеш) (5).

Именно борцами за независимость совершено и самое большое число террористических актов. Жертвами нескольких десятков таких групп стали более 100 тыс. гражданских лиц. На счету Курдской рабочей партии до ее отказа от сепаратизма и насилия – гибель более 35 тыс. человек (9).

Более того, как заметил Д. Горовиц, сепаратизм, допускающий вооруженный путь реализации своей цели, всегда притягивает особую категорию людей, склонных к войне и насилию. В итоге происходит всесторонняя радикализация этнорегионального движения, во главе которого вместо лидеров типа И. Руговы оказываются полевые командиры типа создателя ОАК Х. Тачи (2).

Разумеется, сепаратизм может развиваться и в мирном русле и даже достигать при этом своих целей. Но в целом по конфликтогенности и потенциальному дестабилизирующему эффекту он не сравним с автономизмом.

Шестое. Из сказанного выше вытекает принципиальная общая несопоставимость сепаратистских и автономистских устремлений и связанных с ними конфликтов в плане *безопасности* – локальной, региональной и международной.

Седьмое. Разительно отличается *правомочность* автономизма и сепаратизма – с точки зрения как международного, так и внутреннего права. Требования территориальной автономии или расширения автономных прав могут не удовлетворяться, но их вы-

движение в современном мире невозможно сделать объектом законодательных запретов. Легальность даже мирного сепаратизма гораздо проблематичнее, ибо он вступает в противоречие с принципом территориальной целостности, закрепленным в национальных конституциях и законодательствах и основополагающих международно-правовых актах.

Лишь три государства в мире признают в конституциях право на сецессию. Это Эфиопия, Узбекистан (в отношении Каракалпакстана) и карликовая островная Федерация Сент-Китс и Невис.

В ряде стран есть специальные законы об ответственности за те или иные действия, направленные против территориальной целостности (в конце 2013 г. такой закон принят и в России). В других, прежде всего западных, демократиях преследование сепаратистских целей мирными средствами практически допускается. Впрочем, и в странах Запада эта практика стала превращаться в стандарт лишь в последние два-три десятилетия.

Однако, даже когда сами сепаратистские движения считаются «по умолчанию» правомочными, их цели остаются антиконституционными. Именно таков смысл заключений, которые уже в самый последний период (1998–2014) выносили верховные суды и другие уполномоченные органы Канады, Великобритании, Дании, Испании, Италии при рассмотрении проектов референдумов о независимости (или иных актов, таких как новый Статут Каталонии) соответственно Квебека, Шотландии, Фарерских островов, Каталонии и северных регионов Италии (в частности, Венето).

В тех единичных случаях, когда центральные власти (Лондон, Оттава) готовы признать результаты референдумов и допустить отделение территории, эта перспектива подчеркнута трактуется не как основанная на праве (и на одностороннем волеизъявлении региона), а как возможный результат договоренности, которую предстоит достичь¹. Такую модель сецессии называют процедурной в противовес нормативной.

¹ Например, Верховный суд Канады в постановлении от 1998 г. указал, что односторонняя сецессия Квебека является незаконной, но что в случае соответствующего волеизъявления на референдуме у остальной Канады «не будет оснований отрицать право правительства Квебека добиваться отделения» и в этом случае должны будут последовать переговоры об условиях отделения (10, с. 220).

Более того, упоминания о территориальной целостности, имеющиеся в разных законах любой страны, в принципе позволяют признать нелегальной разную по характеру сепаратистскую деятельность (см.: 5, с. 47–48). Европейская конвенция по правам человека в ст. 10 прямо говорит о возможности определенных ограничений (и санкций) на свободу выражения и распространения мнений и идей, а именно таких, «которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка...» (3).

Так что легальность¹ сепаратизма повсюду остается зыбкой. Ее степень в каждом случае решающим образом зависит от правоприменения, которое, в свою очередь, определяется правосознанием, политической и правовой культурой, особенностями режима, актуальностью проблемы и ее восприятием, текущей конъюнктурой и т.д.

В международном праве, как известно, имеются серьезные лакуны и противоречия, касающиеся ситуаций, связанных с сепаратизмом. Ни прямых запретов на сецессию, ни права на нее (вне контекста деколонизации) оно не содержит. Коллизия между основополагающими принципами ООН – территориальной целостности и суверенитетом государств, с одной стороны, и правом на самоопределение – с другой, оставляет поле для различных толкований и самой сферы применения права на самоопределение, и допустимых форм его реализации. Последнее вопреки довольно распространенному заблуждению закреплено не за «нациями», а за «народами» (в английском варианте Устава ООН – «nations», в остальных – «народов», «peuples», «pueblos», «Volker» и т.д.).

Бесспорно лишь то, что право на политическое самоопределение вплоть до отделения применимо к территориям с явным колониальным статусом и «отчетливо отграниченным географически, исторически и культурно». Отталкиваясь от такой формулировки, норвежский правительственный комитет, напри-

¹ Проблема легитимности сепаратизма затрагивается нами в статье «Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности» в настоящем издании.

мер, официально заключил в 1984 г., что «саамское меньшинство в Норвегии не может ссылаться на какие-либо принципы, вытекающие из права всех народов на самоопределение» (цит. по: 5, с. 48). Государства, включая западные, за отдельными исключениями, не считают право на самоопределение применимым ни к своим этническим меньшинствам и национальностям, ни к административно-территориальным образованиям, включая субъекты федераций. Не существует также никаких критериев и правил, регламентирующих международное признание или непризнание сецессии и самопровозглашенных государств.

Итак, если сравнивать сепаратизм и автономизм как две стратегии территориально-политического «обособления», то, несмотря на возможность смены одной на другую, на во многом общую почву, из которой они произрастают, между этими стратегиями имеются глубокие политические различия.

Спектр всевозможных интересов – индивидуальных, групповых, корпоративных, государственных, международных, – которые затрагивает сепаратизм, при прочих равных неизмеримо шире, чем в случаях автономистской модели. Можно сказать, что успешный сепаратизм создает новую политико-пространственную реальность, тогда как автономизм модифицирует существующую.

Определяющим фактором этих различий оказывается цена вопроса о государственных границах и государственной субъектности. И это лишний раз иллюстрирует ключевую роль, которую сохраняют государства, несмотря на серьезные изменения в их прерогативах и глобализационные процессы.

Сепаратизм – еврорегионализм

Новое измерение вносит в эту проблему европейский регионализм. Самоутверждение европейских регионов бесспорно выходит за рамки автономизма. Повышение их компетенции, субъектности и роли, заложенное вместе с принципом субсидиарности в правовую основу ЕС и поддерживаемое брюссельскими евроструктурами, – немаловажный элемент европейского интеграционного проекта. В таком контексте регионализм становится движущей силой разворачивающейся в Европе трансформации политико-пространственной организации жизни. Однако процесс отхода от

вестфальской полигосударственной архитектуры имеет различные потенциальные векторы, и конечные контуры будущей европейской структуры не ясны. Более того, сам тип ее модели остается предметом принципиальных идейно-политических разногласий в европейских обществах, в том числе и внутри региональных сообществ.

С сепаратизмом – как стратегией дробления государств и/или коррекции границ между ними – еврорегионализм соотносится сложным, амбивалентным образом. Сложность определяется двумя главными факторами.

Первый состоит в том, что актуализация локально-региональных идентичностей и стремление таких сообществ к укреплению своих прав и компетенции – тенденция внутренне неоднородная. В ней просматриваются два фундаментально различных в своей логике тренда. В одном случае речь идет скорее о разновидности автономизма, который противопоставляет централизму и унитаризму, но не ставит под вопрос общенациональное и государственное начала как таковые. Во втором – о своего рода радикальном гибриде локализма и европеизма (в духе концепции глокализма), взаимосвязанном с мировоззрением постмодерна и осознанно отвергающем национально-государственные ценности и структуры как «репрессивный» архаизм. Но это, так сказать, идеально-типическая конструкция. Такой еврорегионализм имеет горячих адептов и популяризаторов в России, наиболее известным из которых является публицист В. Штепа. В Европе же эти идеи, обладая сильными позициями на политико-идеологическом поле в целом, вовсе не определяют реальную политическую активность на региональном и местном уровнях. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы зайти на сайты автономистских/регионалистских партий и организаций и изучить их программы. Большинство из них носят умеренный характер и дальше лозунгов федерализма, адресуемых центральным властям своих государств, не идут.

Тем не менее как тенденция радикальный еврорегионализм существует. И поскольку, в отличие от автономизма, он ориентирован на дробление и исчезновение национальных государств, его можно рассматривать как квазисепаратизм, как новую, постмодер-

нистскую разновидность сепаратизма, хотя формально он не покушается на существующие государственные границы.

Вместе с тем – и в этом состоит второй фактор амбивалентности – в ценностном и политико-философском плане постмодернистский сепаратизм глубоко противоположен классическому. Последний оспаривает лишь конкретные границы, а не государственно-политическую модель мира, возводя, напротив, фактор государственности в абсолют, стоящий жертвенной борьбы.

Проблема смысловых пределов сепаратизма и его разграничения с автономизмом и разными типами регионализма имеет помимо научно-теоретического также инструментальное и мировоззренческое измерения. Усилившаяся тенденция смазывать грань между ними, о которой мы говорили вначале, не случайна.

Во-первых, полуотождествление сепаратизма с позитивно окрашенными понятиями «автономия» и «регионализм» выполняет вполне практические функции. Сепаратистам и квазисепаратистам оно позволяет свободнее маневрировать, находить общий язык с оппонентами в собственных рядах, а также легитимизироваться в глазах остальной части общества и центральной власти. Но есть и оборотная сторона. Двусмысленность в этом вопросе дает основания демонизировать конкретные автономистские (федералистские) проекты. Пример последнего показали украинские события 2014 г. Как только в феврале-марте 2014 г. на Юго-Востоке прозвучали идеи федерализации страны, они были не просто отвергнуты новой властью в Киеве, но и квалифицированы как «антигосударственный сепаратизм», что лишь способствовало разгору конфликта.

Во-вторых, объединение понятий сепаратизм, сецессионизм, автономизм, регионализм в плохо расчлененном ряду работает на эволюцию сознания в определенном направлении. Логический подтекст и идейный месседж такого подхода – в том, что фактор государственных границ вообще непринципиален, ибо сами эти границы обречены полностью исчезнуть. В этой логике самоутверждение регионов и распад государств через проекты сецессии представляются двумя сторонами одного и того же процесса перехода к глобальному постнациональному «сетевому обществу».

Насколько обоснован этот взгляд на будущее, к сторонникам которого мы не относимся, – отдельный вопрос, решение которого

в ходе истории будет зависеть в том числе от мировоззрения и выбора людей, от общественного сознания. Так или иначе проблема сепаратизма сегодня все больше вплетается в общий контекст споров и борьбы вокруг моделей мироустройства. И в этом состоит кардинально новый и важный мировоззренческий аспект этого явления.

Список литературы

1. Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации: Материалы международной научно-практической конференции (Липки, сентябрь 1992 г.). – М.: Наука, 1993. – С. 145–164.
2. Горовиц Д. Разрушенные основания права сепаратизма // Власть. – М., 2013. – № 11. – С. 189–191. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/11/Horowitz.pdf>
3. Европейская конвенция по правам человека // Council of Europe. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf
4. Коцюбинский Д. Глобальный сепаратизм – главный сюжет XXI века. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013. – 132 с.
5. Нарочницкая Е.А. Этнонациональные конфликты и их разрешение: Политические теории и опыт Запада / РАН. ИНИОН. – М., 2000. – 96 с.
6. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. – М.: Новый хронограф, 2012. – 672 с.
7. Тишков В.А. Моральность сепаратизма // Блог В.А. Тишкова. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n61_moralno.html#
8. Dubuy M. La théorie de la sécession remède (remedial secession): Avatar contemporain du droit des peuples à disposer d'eux-mêmes? // Association française de droit constitutionnel. – Mode of access: <http://www.droitconstitutionnel.org/congresNancy/comN2/dubuyTD2.pdf>
9. Forsberg O.J. On the classification of ethnic groups as proto-terrorist // Kvasaheim. – Mode of access: <http://www.kvasaheim.com/docs/oceg.pdf>
10. Hanna R.M. Right to self-determination in *in re* secession of Quebec // Maryland j. of intern. law. – Baltimore, 1999. – Vol. 23, Issue 1. – Article 9. – P. 213–246. – Mode of access: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/mjil/vol23/iss1/9>
11. Plaid Cymru – the Party of Wales: Cyfansoddiad // Plaid Cymru. – Mode of access: http://www.plaidcymru.org/uploads/Cyfansoddiad_Nov_2012.pdf (Дата обращения – 19.10.2014).

**Понимание сепаратизма:
Об амбивалентных соотношениях
сецессионизма, автономизма, регионализма**

12. Tullberg J., Tullberg B.S. Separation or unity? A model for solving ethnic conflicts // Politics and the life sciences. – Bloomington, IN: Indiana univ. press, 1997. – Vol. 16, N 2. – P. 237-248. – Mode of access: http://tullberg.org/wp-content/uploads/2013/03/CivDiv.PLS_.pdf